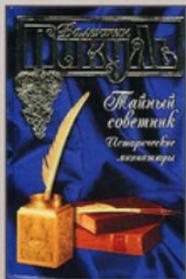

Валентин Пикуль

Рязанский «американец»

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Рязанский «американец»
Серия «Тайный советник», книга 14

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148934

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Возможно, я не стал бы писать о Лаврентии Загоскине, если бы в Америке его не ценили более, нежели у нас.

Наверное, не стал бы писать о нем, если бы улицу в Рязани, на которой он жил и умер, назвали бы «Загоскинской», а не улицей немецкого еврея Карла Либкнехта, который к древней Рязани абсолютно никакого отношения не имел и не имеет.

Может быть, и не стал бы писать о нем, если бы его пронское имение Абакумово, где он рассадил величавые сады, ничуть не хуже мичуринских, не превратили бы в колхоз «Пионер», в котором эти сады исчезли, – и всюду, чего ни коснись, имя этого человека постыдно затоптано, предано забвению...»

Валентин Пикуль

Рязанский «американец»

Возможно, я не стал бы писать о Лаврентии Загоскине, если бы в Америке его не ценили более, нежели у нас.

Наверное, не стал бы писать о нем, если бы улицу в Рязани, на которой он жил и умер, назвали бы «Загоскинской», а не улицей немецкого еврея Карла Либкнехта, который к древней Рязани абсолютно никакого отношения не имел и не имеет.

Может быть, и не стал бы писать о нем, если бы его пронское имение Абакумово, где он рассадил величавые сады, ничуть не хуже мичуринских, не превратили бы в колхоз «Пионер», в котором эти сады исчезли, – и всюду, чего ни коснись, имя этого человека постыдно затоптано, предано забвению. Впрочем, так у нас поступают почти всегда, дабы лишить русский народ русской же истории, чтобы вытравить память о прошлом России.

Сразу же сообщаю: Лаврентий Алексеевич Загоскин приходился троюродным братом известному романисту Михаилу Николаевичу Загоскину, служившему директором Оружейной палаты. Отец его из пензенских дворян, был секунд-майором в отставке, а прадед (тоже Лаврентий Алексеевич) был женат на Марфе Андреевне Эссен, дочери шведского генерала, плененного при штурме Нарвы. Обещаю чи-

тателю больше не утомлять его генеалогией.

«Морской Его Величества Корпус»! – Прежде я вновь перелистал мемуары бывших гардемарин и того же Лаврентия Загоскина – о том, как они учились и что с ними там делали. Общая картина такова: с утра и до позднего вечера все дрались. Это было время, когда Морской Корпус выковывал в своих исторических стенах будущих адмиралов – героев обороны Севастополя и Камчатки. В кадеты брали малолетних дворян и до расцвета гардемаринской юности, пока не осияют их мичманские эполеты, кадеты не вылезали из потасовок, а начальство даже не вмешивалось, мудро рассуждая:

– Помилуй Бог! Ведь для того их и готовят, чтобы драк не чурались... без «задорства» на флоте не обойтись.

Начальство со своей стороны тоже посылало «взбадривало» неуспевающих в учебе розгами. Это ерунда, будто розги для экзекуций заранее отмачивались в соленой воде, – в Морском Корпусе их готовили с вечера в общественных писсуарах (и дешево, и сердито!). Если говорить о традиционном мордобое на флоте, когда офицер свободно отпускал «леща» матросу, то это, наверное, наследие воспитания, ибо офицер старого русского флота не признавал иного права, кроме кулачного... Николай I в учебный процесс не вмешивался, ибо бом-брам-шкоты или фор-марс-реи давались ему с трудом, но однажды, посетив Корпус, он спросил – где кадетские дортуары? Адмирал Рожнов понял это слово в ином

русском значении:

– Вокруг всего Корпуса, ваше величество.

– Это плохо, – огорчился император...

Николай I, покидая Корпус, подозрительно принохивался, не пахнет ли где «дортугарами», а затем приказал: «Кадет выстричь, выбрить, дать им бодрящую осанку, а взгляд должны иметь молодецкий». С бритьем и стрижкой управились быстро, осанка тоже не подвела, зато вот с «молодецким взглядом» намучились:

– Смотри веселее, но взирай на меня со смыслом, а не как баран на новые ворота... Или не слышал царского приказа?

Среди кадетов и гардемарин процветала поэзия:

Проснись, Великий Петр! Дай правнуку дубину,
Чтоб отдубасил он Рожнова в спину...

Лаврентий Загоскин прошел все стадии воспитания, достигнув разрешения вшить в брюки «клинья», чтобы штаны были с клешами (эта мода сохранилась на флоте до наших дней). Наконец, по праву «старика», Загоскин обрел право гардемарина – съедать за ужином сразу пять порций крутой гречневой каши (считалось, что гардемарин обязан быть обжорой вроде Гаргантюа!). Прodelав четыре летних кампании в море, Загоскин был готов стать офицером. Напротив Корпуса заранее поставили фрегат, самый верхний рангоут его обвешали трактирными шкаликами, словно новогоднюю ел-

ку игрушками, и, чтобы раздобыть шкалик, надо было лезть на высоту – аж до самого клотика. Храбрецы! Через полчаса ни одного шкалика под облаками не осталось. Потом гардемаринам присвоили мичманские чины, стали распределять их по флотам и флотилиям. Загоскина спросили:

– Небось желаете на Балтике остаться?

– Мне бы чего попроще! Хочу сразу на «каторгу»...

«Каторгой» среди морских офицеров называлась служба на Каспийской флотилии. В желании Загоскина была и личная подоплека: проездом до Астрахани можно завернуть в пензенскую деревню, чтобы обнять сестриц и братца, чтобы по-сыновьи всплакнуть на груди родителей. Осенью 1826 года Загоскин отъехал... Матушка плохо разбиралась в географии, но отец, бывалый офицер, жалел сына: в ханствах прикаспийских шла война непрерывная, там в кустах шипят змеи гремучие, лихорадки живут в колодцах, а в болотах скачут «кикиморы» малярийные...

– Пропадешь, сыночек родненький, – горевал папенька. – Нешто в Балтике близ дворца царского было тебе не остаться?

– Я, батюшка, по своей воле выбрал каспийскую «каторгу». Если уж страдать, так лучше отстрадать смолоду...

Летом 1827 года, будучи в Астрахани, он стал командиром шкоута по имени «Мария»: первый корабль в жизни юного офицера – что может быть прекраснее! Но Загоскин, увидев свою «Марию», чуть не свалился в воду от смеха,

ибо шкоут напомнил ему деревенскую... и з б у. Не иллюминаторы, а окошки в бортах напоминали о сельском трактире, корму же украшали странные фигуры с головами людей, но с хвостами дельфинов. На клотике грот-мачты поселился резной из дерева петя-петушок, который, исполняя роль флюгера, крутился по ветру. Ходовая же рубка шкоута была похожа на деревенскую баню, внутри нее была сложена деревенская печь, топившаяся дровами, дым вылетал из рубки через кирпичную трубу. Переборки в каюте командира сплошь расписаны фантастическими деревьями, среди которых блуждало какое-то странное создание в халате.

– Что же тут такое? – спрашивал Загоскин.

– Это шах персидский, – пояснил боцман.

– А чего он тут делает... в каюте моей?

– Изволит наслаждаться гуляньем.

– Ну, ладно. Моцион шаху необходим. Аллах с ним...

Начиналась каспийская «каторга», затянувшаяся на долгие восемь лет. Загоскин не раз водил «Марию» под парусом в Баку, плавал даже по реке Куре, доставляя – под пулями! – припасы для кавказского воинства. В 1832 году он выслужил чин лейтенанта, стал командиром военного парохода «Аракс». Угораздило же его повздорить с астраханским адмиралтейством, но все бы, наверное, обошлось, если бы не пожар на «Араксе», в результате которого он сгорел, как сухое березовое полено. С плеч Загоскина сорвали эполеты, велели отцепить от пояса офицерский кортик:

– Бывший лейтенант флота его императорского величества за сгорение своего парохода разжалуется в матросы... Стоять смирно! Грудь держать колесом! Смотреть веселее!

Тут уж не до веселья. Переведенный в Балтийский экипаж, матрос Лаврушка Загоскин весной 1835 года был восстановлен в прежнем звании, теперь Лаврентий Алексеевич ходил в крейсерские плавания на фрегатах «Кастор» и «Александра». Кронштадт, в окружении льда, каждую зиму застывал в изоляции, словно отрезанный от света, хотя, казалось бы, до Петербурга и рукою подать. Офицеры, лишённые общества, мучились в гарнизоне острова безысходной тоской, сходили с ума без женщин и удовольствий большого света. Загоскин глушил тоску неустанным чтением, сам начал писать, скоро столичный журнал «Сын Отечества» напечатал его «Воспоминания о Каспии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.